

речь и традиционная народная культура в целом становится объектом научного интереса, хотя систематическое обследование различных регионов еще не проводится. И наши авторы лишь фрагментарно фиксируют особенности диалектной речи. В определенном смысле исключение составляет П.И. Якушкин, который как опытный фольклорист и этнограф видит в языке народа проявление его умонастроений и духовной сущности. Пути следования путешественников нередко пролегают по сходным маршрутам Псковщины. К этому времени уже формируется комплекс объектов, имеющих культурно-историческую и природную ценность: это сам Псков с его древностями, Псковско-Чудское озеро, Псково-Печерский монастырь и прилежащие к нему земли Изборского края, пушкинские места. Это обстоятельство определяет тематические схождения в путевых записках разных авторов, что позволяет провести развернутый сопоставительный лингвистический анализ лексики отдельных тематических групп: этнонимов, народных названий ветров, названий промысловой рыбы и т.д. Описанный в работе пример, хотя и не проистекает из особенностей народной речи, но продуцирует комплекс лексико-фразеологических единиц, отражающих динамику символического наполнения образа ели.

Литература

Булгарин Ф.В. Путевые заметки на поездке (!) из Дерпта в Белоруссию и обратно весною 1835 г. // Северная пчела. 1835. №№ 140—215 (с пропусками нек. номеров).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1978-1980.

Душечкина Е.В. Русская елка: История, мифология и литература. – СПб.: Норинт, 2002.

Мацкевич Д. Псков // Северная пчела. 1848. №№ 212—215; *Он же.* Святогорский монастырь и сельцо Михайловское // Северная пчела. 1848. №№ 212—215; *Он же.* От Петербурга до Витебска. (Отдельное издание всех путевых заметок автора: Киев, 1856 г.).

Отто Н.К. Поездка в Псков и его окрестности // Северная пчела. 1861. №№ 162—175.

Погодин М.П. Псков (из дорожных заметок) // Псковские губернские ведомости. 1866, №№ 50—51. (отдельный оттиск – в 1881 г.).

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-18. – Л. (СПб.): Изд-во ЛГУ (СПбГУ), 1967-2007.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 2. – М.: Международные отношения, 1999.

Словарь русских народных говоров. Вып.8 / Гл. ред. Ф.П. Филин. Ред. Ф.П. Сороколетов. – Л.: Наука, 1972.

Якушкин П.И. Путевые письма. II. Из Псковской губернии // Якушкин П.И. Соч. / Вступ. статья и коммент. З.И. Власовой. – М.: Современник, 1986. – С. 95-153.

М.Н. Приемешева
Санкт-Петербург

АРГОТИЗМЫ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.*

Стилистической особенностью языка художественной литературы является то, что для объективного отражения действительности или решения концептуальных авторских задач он может включать элементы разных стилей и разных языковых подсистем, как, например, диалектизмы, просторечие, жаргонизмы, арготизмы и т.п.¹

Б.А. Ларин, характеризуя употребление профессионализмов и диалектизмов в языке писателей 20-30 гг. XX в., выделяет несколько типов их использования: 1) «коллекционерский», основанный на восприятии этой лексики как «экзотичной» (назначение такого использования этой лексики – декоративное); 2) «стихийное включение», отражающий «прочные связи писателя с описываемым классом»; и 3) отражение «семантической идиомы» того или иного диалекта (в том числе социального). Именно последний тип обусловлен «поиском наиболее эффективных средств при создании образа», и именно при таком использовании нелитературной лексики последняя передает не только социальную, но и идеологическую специфику описываемого социального класса².

В этой связи определенный интерес представляют тексты русской литературы XIX в. Диалектизмы, просторечие, социальные диалекты в той или иной форме эпизодически появляются в поздних романтических текстах XIX в. и регулярно употребляются во второй половине XIX в. в произведениях, направленных на максимально реалистическое отражение действительности. И если по ряду пара-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 07-04-00151а «Словарь русского языка XIX в.»: формирование словарика».

метров функции диалектизм, просторечия и арготизмов могут рассматриваться как общие, то в отношении к языку XIX в. использование такой зоны социальных диалектов, как арга³, имеет свои специфические особенности.

Исследуя функции арга в языке современной французской литературы, Э.М. Береговская отмечала: «Косвенным свидетельством широкого распространения арга вне сферы его первоначального бытования служит увеличение притока арготизмов в художественную литературу..., а главное, способы введения арготизмов в ткань литературного произведения»⁴.

Несмотря на то что тайные и условные языки еще имели и имеют некоторое распространение в XX в., их социальная роль и значимость в этот период несопоставимы с их местом в социолингвистической ситуации в веке XIX в. Этот объект, широко распространенный в речи целого ряда социальных групп, ввиду жесткого социального расслоения, был экзотичен и мало известен широкому кругу читателей. Поэтому в большинстве случаев включением таких слов или фрагментов выполнялась еще и информативная (или псевдоинформативная) функция: писатель, помимо традиционных художественных задач дополнительной социальной характеристики персонажа или среды, брал на себя ответственность ознакомления читателя с совершенно новым языковым материалом народной неофициальной культуры. Литература XIX в. подготовила читателя конца этого века к тому, что язык социально-низких сфер народной жизни существенно противопоставлен литературной норме, в то время как в XX в. это уже очевидный факт. И если арготические вкрапления в текстах XIX в. обязательно комментируются и «переводятся» в сносках, то в языке литературы XX в. этот объект уже в целом знаком читателю и перевода, как правило, не требует. Формальным проявлением информативной функции будем считать наличие сносок, комментирующих арготические вкрапления в художественный текст.

Важным наблюдением Э.М.Береговской⁵ будем также считать то, что арготизмы редко используются единично, обычно их включение в текст осуществляется целыми «блоками». Использование не единичных арготизмов, а целых «арготических блоков» – это, таким образом, также некая дополнительная концептуализация использо-

вания данного типа лексических средств в языке художественной литературы.

Не все тексты, направленные на отражение жизни определенных социальных групп, имеющих свои особые лексические «терминосистемы», имеют соответствующую лексику. Более того, не в каждом художественном произведении, где фигурируют социальные группы, имеющие свои языковые коды, автор стремится нам до конца реалистично передать всю информацию о них. Функционально-значимым следует считать объем, характер использования и способы введения данной лексики.

Арготизмы в русской художественной литературе появляются с конца 30-х гг. XIX в., особенно широко они начинают использоваться после 60-х гг., что само по себе показательно с историко-социальной точки зрения.

Следует, вероятно, различить две различные задачи писателей в этот период: 1) создание реалистической, достоверной характеристики *персонажа*, для чего используются специфические языковые средства как дополнительная его социальная характеристика, и 2) введение «арготического блока» (Э.М.Береговская) в большом объеме с целью создания реалистической картины описываемой *ситуации, событий, социального мира*.

Первая задача решалась преимущественно в первой половине XIX в. Язык как средство дополнительной характеристики индивидуального образа был свойственен поздним романтическим и ранним реалистическим художественным произведениям. Вторая задача реализуется двояким образом с 60-х гг. XIX в. Но повторимся, что можно с определенной долей вероятности утверждать, что на протяжении XIX в. наблюдается *историческая обусловленность* функций арготизмов в художественных произведениях социальными тенденциями развития общества. Рассмотрим это на ряде примеров.

Вспомним разговор Вожатого с хозяином постоялого двора в «Капитанской дочке» А.С.Пушкина: «Отколе бог принес?» Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огород летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком – да мимо». Ну, а что ваши?

– Да что наши! – отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. – Стали было к вечеру звонить, да попадья не велит: поп

в гостях, черти на погосте. – «Молчи, дядя, – возразил мой бродяга, – будет дождик, будут и грибки; будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит...»

Я ничего не мог тогда понять из этого *воровского разговора*; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмиренного после бунта 1772 года⁶.

Язык Пугачёва в «Капитанской дочке» традиционно связывают с народно-фольклорным, пословичным. Ю.М.Лотман, например, в этой связи отмечал: «Крестьянский уклад жизни оваян своей поэзией: песни, сказки, легенды пронизывают всю атмосферу повествования о народе. Особое место занимают пословицы, в которых выкристаллизовалось своеобразие народной мысли. Исследователи неоднократно обращали внимание на роль пословиц и загадок в характеристике Пугачева...»⁷. Или: «Речь Пугачева построена на национальной разговорной основе, на ее *наиболее типичных формах...*»⁸.

Пушкин с определенной долей достоверности передает нам образец настоящего раннего «воровского» языка, то есть прагматика речи Пугачева оказывается гораздо сложнее. Коротко проследим за этой традицией.

Анализируя «Смеховой мир» Древней Руси XVII в., Д.С.Лихачев обращает внимание на речь вора в «Сказании о крестьянском сыне»: «Когда вор начинает разбирать кровлю на клетки, он произносит: «Простирали небо, яко кожу, а я крестьянскую простираю кровлю». Спускаясь на веревке в клеть, он говорит: «Сниде царь Соломон во ад и сниде Иона во чрево китово, а я в клеть крестьянскую» и т.д.»⁹. Здесь языковое «шутовство» усложнено сатирой на церковную службу, но показательным оказывается факт необходимости остроумного «языкового» комментирования происходящего.

Аналогичен в стилистическом отношении фрагмент из сборника И.Новикова «Похождения Ивана Гостиного сына» («О лукавом нищем»). Рассказчик, подразумевая пытки нищего и его товарища в Сыском приказе, говорит: «...как-то ненароком попали в такую западню, из которой трудненько было вылезть, отведены были в Сыской приказ к суду, где мазали их по спинам долгою об одном конце плетью, а после парили сухими вениками и трусили зажженные на тела листья, и хотя баня была и не топлена, но вельми жарка пока-

залась, а потому и винулись во многих татьбах и разбоях. <...> По окончании спросов... отвели их в такое место, где роют землю и ищут того, из чего делаются деньги и откуда никто назад не возвращается»¹⁰.

Наиболее ярким примером для сравнения может служить язык автобиографии Ваньки Каина, частично переданный и в романе Матвея Комарова о нем. Ср., например, пословичные рифмованные перифразы Ваньки Каина из его автобиографии: «Принес (краденые вещи) к ней; и притом сказал: *только и ходу из ворот да в воду* (чтобы никому не объявляла)»; «сказал, отдавая деньги: *вот тебе луковка попова! Облуплена готова! Знай почитай, а умру поминай!*»; в ответ на вопрос «где был?», ответ: «*наши вислоухи во дворе сторожки, а ты будь сын грибами, а держи язык за зубами*», «Выпимши говорили *пол да серед сами съели, печь да палати в наем отдаем, а идущим по сему мосту тихую милостыню подаем* (то есть мошенники) и *ты будешь брат нашего сукна епанча* (то есть такой же вор!)»¹¹. Комментируя речь Ваньки Каина, В.В.Сиповский отмечает: «Самый стиль Ваньки скован народными пословицами, воровскими прибаутками... Поговорки и пословицы всегда к услугам Ваньки, когда ему приходится изобразить свое настроение или чувство, – т.е. как раз в тех случаях, когда легче всего и свободнее выражается личность человека. Ванька невольно прикрывается ее общими формулами, говорит языком народа или воровской шайки и никогда не возвышается до своего собственного...»¹². В.Шкловский речь Ваньки Каина также считает пронизанной «пословично-прибауточными» каламбурами¹³.

Очевидно, что ранняя воровская речь еще не освободилась от народно-пословичной перифрастической языковой формы. Именно это мы наблюдаем и в речи Пугачева.

Но в XIX в. в художественной литературе это, пожалуй, первая художественная импликация воровского языка на той его стадии, когда еще воровское слово-знак не приобрело статус слова – социального признака. То есть перед нами псевдо-«арготический блок», однако использованный в функции дополнительной характеристики персонажа. Очевидно, что «семантическая идиома» (Б.Ларин) речи Пугачева передана Пушкиным очень достоверно и реалистично, так как стилистика его речи позволяет рассматривать ее двоякообусловленной.

В этот же период, 30-40-е гг., мы видим пример использования уже собственно арготизмов как в функции создания дополнительной социальной характеристики персонажа, так и в информативной функции¹⁴: автор *через лексический комментарий* внизу страницы знакомит нас с неизвестной читателю лексикой. С целью дополнительной характеристики социального статуса героя вводит слова воровского условного языка в свое произведение «Живой мертвец» (1839) В.Ф. Одоевский. В этом произведении автор пока еще неумело и неточно использует слова и фразы воровского арга (пока еще не жаргона) явно с целью большей подлинности характеристики персонажей, знающих «музыку». Филька, камердинер Василия Кузьмича, оказывается заправским вором. Автор, чтобы подтвердить этот факт, вводит в повесть разговор Фильки и «товарища Фильки» по улице, содержащий элементы воровского арга: «[Товарищ Фильки]. – Ну, да где ж ты научился *по музыке ходить*, что ты из жуликов что ли?....

[Филька] *Клёвый маз* был покойник...только, знаешь, большой руки. Знаешь, к нему хаживали просители со *стуканцами*.» и т.п.

«[Товарищ Фильки]. – Пстойка – никак *стрёма!*»...¹⁵

Несмотря на то что автор использует слова «воровской музыки», их употребление очень искусственно, автор пытался увязать в единое смысловое целое имеющийся у него лексический запас слов. Но цель здесь уже двойная: помимо характерологической функции имеет место и функция сугубо информативная: автор, обладая данной социально-лингвистической информацией, стремится познакомить с нею читателя.

В середине XIX в., особенно в 60-е гг., в России появляется сразу несколько произведений, в которых авторы, описывая некоторые малознакомые широкому читателю социальные сферы русской жизни, обращают так или иначе внимание и на их язык. Во-первых, это художественные произведения, в которых максимально широкий охват жизни определенных социальных групп оказывается главной целью писателя, и собственно «язык» этих групп занимает важнейшее место в их характеристике, и, во-вторых, художественные произведения, где условные языки социальных низов являются *фоновыми* элементами реалистического отображения действительности.

Роман В.В. Крестовского «Петербургские трущобы» (1864-1867) до сих пор является чуть ли не основным источником по изучению

воровского арга XIX в. Количество лексического материала в романе столь велико, что он потребовал самостоятельного осмысления. Так в 1899 г. в Известиях ОРЯС публикуется словарь арготической и жаргонной лексики этого романа¹⁶.

В «Биографии» писателя, представленной в I томе его Собрания сочинений 1899 г. Ельцом Ю.А., приводятся воспоминания И.Д. Путилина, начальника Петербургской полиции в 1866-1889 гг., тогда еще простого квартального надзирателя: «Я сам сопровождал его по трущобам, вместе с ним передеваясь в нищенские костюмы... он вместе со мной присутствовал на облавах в различных притонах; при нем, нарочно при нем, я допрашивал в своём кабинете многих преступников и бродяг, которые попали потом в его роман. Наконец, я самолично давал ему для выписок дела сысского отделения...»¹⁷. Очень мощным и убедительным аккордом подлинности духа описываемой жизни оказывается *argot* петербургских мошенников. Частично материал автор собирал сам, большую же часть его использовал из словарика, составленного И.Д. Путилиным¹⁸.

Другой известный русский писатель, А.И. Мельников-Печерский, ставя перед собой цель описания быта и нравов жителей Поволжья середины XIX в., в романах «В лесах», «На горах» также с энциклопедической и, подчеркнём, лингвистической четкостью пытался воссоздать нам фрагменты жизни раскольников и представителей одной из многочисленных религиозных сект России – хлыстов. Пожалуй, только в этих романах мы встречаем образцы офенской речи. Именно из него, что потом подтверждается этнографическими публикациями, мы узнаем о том, что офенский язык был в очень популярен и в среде *раскольников*. Вспомним эпизод из романа А.Мельникова «На горах»: «..прибежит в лавку.. какой-нибудь паренёк и... крикнет хозяину:

– Хлябы'шь в дудоргу ханды'рит пельми'ги шишля'ть!..

И хозяин вдруг встревожится, бросится в палатку... Кто понял речи прибежавшего паренёка, тот, ни слова не молвив, сейчас же из лавки вон. Тут и другие смекнут, что чем-то нездоровым запахло, тоже из лавки вон. Сколь бы кто ни учился, сколько б ни знал языков, ежели он не офеня или не раскольник, ни за что не поймет, чем паренёк так напугал хозяина. А это он ему по-офенски вскричал: «Начальство в лавку идет бумаги читать»¹⁹.

Интересно в художественном и концептуальном отношении использование нищенского условного языка в романе Д. Григоровича «Переселенцы». Во-первых, это произведение – достаточно достоверный источник по лексике нищих (информативная функция). Во-вторых, разговоры на кантужном языке призваны существенно повысить реалистическую значимость произведения в целом, свидетельствовать об истинном знании писателя описываемого «низового» мира. Но, на наш взгляд, в этом произведении впервые в русской литературе у «арготического блока» появляются дополнительные функции, связанные с общей концепцией произведения.

Так, мы имеем образцы разговоров нищих на условном языке:

« – Ступайте на деревню; мало ли дворов... там и ночуете, сказала Грачиха.

– Были, касатка, да лунёк много добре, лютые такие, к рыму не подпускают, – заметил полсмеиваясь козлячий голос. – Пусти, тетка; сушак свой; меркош, не зеть ничего; отцепи, масья; пошли бы дальше да лошади стали, – добавил он...

– Не впервые у тебя ночуем; пусти! – буркнул бас...

– Перебушки растерял, вершать нечем, без котюра стал! – пояснил козлячий голос»²⁰.

Однако не меньшим диссонансом на общем фоне крестьянской, полной проблем и лишений жизни звучит французский язык в разговоре хозяев барской усадьбы. За счет его использования и в дальнейшем за счет вкраплений французской речи хозяев усадьбы создается эффект параллелизма описываемых социальных миров. Знаменательно по концептуальной установке и содержание первых разговоров на условном нищенском и французском языках. В первом случае трое нищих-слепцов просят на ночевку в избу Грачихи, местной знахарки и «ведьмы». Во втором – трое господ Белицыных (брат с сестрой и кузиной) пафосно и критически обсуждают обстановку в барском доме, в который они приехали отдохнуть впервые за много-много лет. Язык нищих и французский язык дворянства становятся символами двух полюсов социальной жизни. Оба мира контрастируют с основным фоном произведения – обычной крестьянской жизнью: и мир нищих, и мир дворян ей одинаково чужды²¹.

Таким образом, в 60-е гг. XIX в. появляется ряд романов, в которых целью авторов было познакомить читателей с малоизвестными социальными группами, а средством этого, в частности, выступает

лексика их условных или тайных языков. Такое функциональное использование арготической лексики, на наш взгляд, в последующей литературной традиции не имеет продолжения.

Однако в этот же период намечается и иная тенденция использования арготизмов, которая постепенно сливается с традицией включения *жаргонизмов* в ткань художественного произведения и продолжается в XX в. Демократические тенденции в русской литературе способствовали тому, что эпоха «героев» постепенно превращалась в эпоху «персонажей». Со страниц произведений зазвучала многоголосица русской бытовой жизни. Использование арго и жаргонов на страницах художественных произведений наглядно показывает, что социальная жизнь становится в различных ее проявлениях главной целью реалистического произведения. *Фрагменты, реплики* условных языков торговцев, ремесленников, рабочих мы встречаем на страницах рассказов и повестей А. Лейкина «Апраксинцы», «Биржевые артельщики», В. Крестовского «Лихачи» («Петербургские типы»), Никиты Некрасова «Петрунька» («Петербургские вертепы и притоны. Рассказы из жизни погибших в волнах житейского моря»), Н. Лескова, Н. Свешникова «Спиридоны-повороты» и некоторые другие. Это, как правило, уже реплики из толпы, фоновые разговоры второстепенных персонажей: социальный регистр уже обобщается и размывается.

Фоновым материалом предстает перед нами язык «каторги» в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, «В мире отверженных» П.Ф. Якубовича, «Сахалин (Каторга)» В.М. Дорошевича и др. В 90-е гг. XIX в. А. Свирский, в частности, отмечал: «было время – и оно не за горами, – когда этим миром <тюремным> совсем не интересовались у нас.... Но с недавнего сравнительно времени произошел существенно резкий поворот в тюремной политике государства: принцип исправления стал господствующим ее началом. В тюремные места заключения *начали все чаще заглядывать люди пера, опыта и власти...*»²².

Таким образом, функции арготизмов в языке художественной литературы XIX в. определенным образом образуют историческую преемственность. Важным и показательным в истории отражения социальных тенденций оказывается для литературы XIX в. сам факт появления арготизмов на страницах художественных текстов.

В ранний период – 30-40-е гг. – арготический материал используется как средство дополнительной социальной характеристики героя. То, что материал является для читателя новым, позволяет говорить о выполнении им информативной функции. При учете неполной достоверности в отражении этого материала, можно предположить, что эти вкрапления выполняют и «коллекционерскую» (декоративную) функцию.

В 60-е гг. появляется сразу несколько крупных произведений, в которых арготический материал является важнейшей дополнительной характеристикой целых социальных сфер. Можно утверждать, что *целенаправленное* использование арготического материала позволяет решить художественно-реалистические цели автора, а сама лексика становится *важнейшей дополнительной идеологической характеристикой* какой-либо социальной группы. Обилие достоверных источников у авторов в процессе работы над произведениями позволяет также говорить и об информативной функции: большая часть таких произведений может сейчас считаться источниками по изучению арготического и других типов тайных языков. В 60-х гг. XIX в., и особенно широко в 90-е гг., можно наблюдать систематическое, но *эпизодическое* включение в художественные тексты арготизмов и уже жаргонизмов с целью создания *дополнительной фоновой* характеристики той или иной *социальной сферы*.

А в целом, вероятно, важной ролью художественной литературы XIX в., как литературы реалистической, было общее знакомство читателей с языками представителей неофициальной России.

Примечания

¹ Ср.: «Писатели ищут свежих слов. Они ищут средств усиленной выразительности, а непривычные «чужие» слова внушают часто иллюзию повышенной экспрессивности». Ларин Б.А. Диалектизмы в языке советских писателей // Литературный критик. 1935. № 11. С.216.

² Ларин Б.А. Указ. соч. С.216-217.

³ Под *арготизмом* мы понимаем единицу арготического (часто искусственного) языка, который был социально-символическим языковым кодом определенных социальных групп, аналога которого в литературе XX в. уже фактически нет. В отличие от арготизмов *жаргонизмы* – единицы стилистически сниженной речи некоторых социальных корпораций, сообществ, единств (профессиональных, возрастных и т.п.): именно эта лексика активно употребительна как в литературе XX в., так и достаточно употребительна в литературе XIX в. Например, бурсацкий жаргон в «Очерках бирсы» Д.И. Помяловского, каторжный жаргон в романах Ф. Достоевского «Записки из

мертвого дома», П.Мельшина «В мире отверженных», В.Дорошевича «Сахалин (Каторга)» и т.п.

⁴ Береговская Э. М. Движение в лексическом составе французского арготического языка // Проблемы диахронии в изучении романских языков. – Минск, 1967. – С.15.

⁵ См., например, Э.М. Береговская. Арготический блок и его функции в стиле современной французской прозы // Филологические науки. 1974. № 2. С. 60-69. Подчеркнем, что под термином арготического языка автор использует тот языковой объект, который в данной статье мы определили как жаргон.

⁶ Пушкин А.С. Капитанская дочка // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. 4-е изд. – Л.: Наука, 1978. Т.1-Х. Т. VI. С. 270-271.

⁷ Лотман Ю.М. Идеальная структура «Капитанской дочки» // Ю.М.Лотман. Пушкин. Статьи и заметки. – СПб.: Искусство-СПб., 1997. С. 215.

⁸ Воробьев В. Язык Пугачева в повести «Капитанская дочка» А.С.Пушкина // Русский язык в школе. – 1953. – № 5. – С.23. (курсив наш. – М. П.)

⁹ Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. – СПб., 2001. – С.371.

¹⁰ Повести разумные и замысловатые. Популярная бытовая проза XVIII в. – М., 1989. – С. 443. Отрывок также цитируется в работах В.Сиповского, Д. Лихачева.

¹¹ История славного вора, разбойника и бывшего Московского сыщика Ваньки Каина со всеми его обстоятельствами, разными любимыми песнями и портретом. 1785. (место издания не указано). С. (соответственно) 18,20, 4.

¹² Сиповский В.В. Из истории русского романа XVIII в. (Ванька Каин)// Известия ОРЯС. – Т. VII. – Кн.2. – СПб., 1902. – С. 140.

¹³ Шкловский В. Матвей Комаров – житель города Москвы. – Л., 1929. В этой связи нельзя не вспомнить и сказку, рассказанную Гринева Пугачевым, об орле и вороне. Аналогичная же «остроумная иносказательность» встречается, например, и в песне «Не шуми, мати зеленая дубравушка..», которую поют казаки в «Капитанской дочке» и которая в автобиографии Каина приводится среди его любимых песен. Ср. о виселице: «Я за то тебя, дегинушка, пожалую Среди поля хоромами высокими, Что двумя ли столбами с перекладиной».

¹⁴ Однако в данном случае можно рассматривать такое употребление арготизмов и как «коллекционерское» (декоративное, экзотичное) (Б.Ларин): передана только социальная характеристика персонажа.

¹⁵ Одоевский В.Ф. Живой мертвец // Соч. кн. В.Ф.Одоевского. – Ч. III. – СПб., 1844. – С. 113-114., курсив источника.

¹⁶ Смирнов Н. Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа В.Крестовского «Петербургские трущобы» // Известия ОРЯС АН. – 1899. – IV. – Ст. 1065-1087.

¹⁷ Елец Ю.Л. Биография Всеволода Владимировича Крестовского // В.Крестовский. Собрание сочинений в 8-тт. СПб., «Общественная польза», 1899-1905. Т. I. С. XII.

¹⁸ Ср. «Впоследствии, при выходе в свет романа, автор намерен сделать более подробное исследование о байковом языке с приложением словаря, первоначального составленного г. Путилиным и ныне во многом дополненного самим автором». В. Крестовский. Ерши (Отрывок из романа «Петербургские трущобы») // Эпоха. 1864. № 1. С.525.

¹⁹ Мельников-Печерский П.И. На горах. – Т. I. – М., 1956. – С. 537.

²⁰ Григорович Д.И. Переселенцы // Д.И.Григорович. Сочинения в 3-х тт. – Т. III. – М., 1988. – С. 210.

²¹ Заметим, что и в романе Вс.Крестовского «Петербургские трущобы» наряду с воровским арго (условным языком, данным в переводе в сносках), в сносках даются переводы разговоров лиц из «высшего света» на немецком и французском языках. Вероятно, задача отражения «социального параллелизма» также ставилась писателем. Однако этот возможный художественный принцип уступает социальной реалистичности описываемого, и интерес писателя именно к «байковому языку» преобладает.

²² Свирский А.И. В стенах тюрьмы. Очерки тюремной жизни. – Ростов-на-Дону, Тип.И.Тер-Абрамян, 1894. – С.5.

М.Ю. Россихина
Брянск

О СУДЬБЕ РУССКИХ ШКОЛЬНЫХ ЖАРГОНИЗМОВ XIX ВЕКА

В 2007 году появился «Словарь русского школьного жаргона XIX века» О.А. Анищенко [1]. С помощью мемуарной, исторической и эпистолярной литературы автору удалось представить нам «школярский» жаргон позапрошлого века. Школьным жаргоном О.А. Анищенко называет специфическую лексику учащейся молодежи дореволюционной России, «условный» язык гимназистов, кадетов, студентов, семинаристов и др.

Жаргон школяров XIX века отличается от современного молодежного жаргона тем, что сфера его использования была ограничена рамками одной гимназии, одного училища, одного университета. Конечно, встречалась ненормативная лексика, которой пользовались учащиеся нескольких учебных заведений, но это было скорее исключение, чем правило. А современный молодежный жаргон – это общемолодежный тайный язык, понятный и доступный практически каждому молодому человеку. Этому способствует невероятная мобильность молодых людей и безграничные возможности Интернета. Разумеется, есть определенная часть современных жаргонизмов, которые встречаются, например, только у школьников или только у студентов, иногда только в одной школе или в одном вузе, в одном городе или одной области. Но это лишь небольшая часть многотысячного лексикона современной молодежи.

Цель нашего исследования – проследить судьбу школьных жаргонизмов XIX века, выяснить, исчезли они или до сих пор употребляются, сохранили или изменили свое прежнее значение. Ведь «... слово находится в постоянном движении, его сегодняшние характеристики, сегодняшнее восприятие говорящим могут не совпадать с теми, которые наблюдались не только в прошлые века, но и в предшествующие одно – два десятилетия» [4: 63]. Чтобы посмотреть, какими жаргонизмами прошлого оперирует современная молодежь, мы провели сравнительный анализ лексики из словарей О.А. Анищенко [1] и Т.Г. Никитиной [7]. В «Словаре русского школьного жаргона XIX века» О.А. Анищенко зафиксировано более 1000 словарных единиц, 183 из них вошли в толковый словарь «Молодежный сленг» Т.Г. Никитиной. Из этих 183 жаргонизмов только 7 употребляются в тех же или близких к ним значениях.

Вот эти слова: *предки* «родители», *камчатка* «последние парты в классе», *казеницик* «прогульщик», *засохнуть* «замолчать», *классуха* (тогда «классная дама», сейчас – «классная руководительница»), *козерог* (тогда – «кадет младших классов», сейчас – «студент-первокурсник»), *отшить* (тогда – «прекратить дружить», сейчас – «прогнать кого-то», прекратить общение), «прервать отношения»).

Некоторые жаргонизмы прошлого расширили свое значение. Так, например, *бурсаками* раньше называли учащихся духовных училищ и русских студентов Дерптского университета, а сейчас *бурсак* – это школьник или студент любого учебного заведения. Часть школяризмов XIX столетия, сохранив свое прежнее значение, приобрела в XXI веке одно или несколько новых значений. Так, лексема *лебедь* употребляется не только в своем первоначальном значении «двойка», но и ещё в двух: «проститутка» и «презерватив»; *долбёжка* «бездумное, механическое заучивание», это теперь «нудная, однообразная работа», «нудная назидательная речь», а также «состояние наркотической абстиненции». Глагол *завянуть* не только сохранил своё прежнее значение «замолчать», но и приобрел еще значение «сдаться, отступить, отказаться от своих намерений, требований, претензий»; *ёри* «водка с пивом» сохранил это значение в современном разговорном языке [8: 153] и в жаргоне уголовников [6: 179], а в словаре Никитиной Т.Г. он зафиксирован со значением «мужской половой орган».